

Twig

Арка первая: Прополка

Враг.

Превышение, – задумался Перси. – Вид на территории без опасности хищников и в обилии ресурсов. Растёт как на дрожжах, часто в геометрической прогрессии, и быстро достигает точки, в которой значительно превышает доступные пространство и ресурсы.

Перси держал зонт под углом, по направлению идущего дождя. Его взгляд упал на Академию. Поздним вечером это место было единственным светлым пятном в маленьком тёмном городе, с таким количеством настенного света, что светила вся Изгородь.

Он развернулся, взял ручку зонта иначе. Его свободная рука осторожно потянулась к травмированному лицу. Когда он получил эту рану, то решил преувеличить её серьёзность. Он верил Мэри.

Шёл он энергично. Бег был бы заметным, просто ходьба была слишком медленной. Его вариант был чем-то средним. Живущие здесь привыкали к дождю, прогулкам по скользким тротуарам и дорогам. Академия желала дождь, и они изобрели метод его получения, водоросли стали частью системы водоснабжения. Здания на периферии Радхэма испускают пары, приводящие к образованию бактерий.

Когда произошло превышение, конечным результатом оказался разрушительный крах сформировавшейся системы. Население массово погибало.

Ветер чуть не вырвал зонт у него из рук. Ему пришлось остановиться, схватиться за одну часть, которая вывернулась и теперь больше напоминала чашу, чем щит. Пока он делал это, у него появилась возможность взглянуть через плечо, назад.

Он не заметил никого, кого не должно было быть здесь. Он, в частности, искал детей, но никого не увидел.

Он почувствовал сразу и облегчение, и разочарование. Если бы он увидел Мэри, то у него было бы спокойнее на душе, он бы почувствовал себя безопаснее. Если бы он увидел всех мальчиков с Мэри, то был бы в восторге. Была бы надежда.

Но лишь дождь и тени в равной пропорции.

Радхэм так упорно трудился получить славу чего-то хорошего, правильного. Он знал об этом, проведя большую часть шести лет в Мотмонте, но ещё никогда он не бродил по улице в худшую погоду. Он знал о существовании таких сшитых, но никогда не видел, как много сшитых активны поздней ночью, собирают мусор, тела, или просто бродят по заданным маршрутам, особенно теперь, когда он был в тёмнейшей части Радхэма.

Сшитый подбирали мусор из урны оставленной возле предприятия, двигался как пьяный, вялый, пошатывался. Когда он находил что-то, сломанные часы, детскую игрушку, пару ножниц, он поднимал ткань от дождя, натянутую над ящиком, клал внутрь предмет, и затем натягивал ткань обратно.

Перси хотел помочь ему. Потратить час своего времени или найти владельца и объяснить, как поддерживать его лучше. Некоторые люди были склонны жаловаться на то, как их родных, друзей, соседей собирали раньше, чем они могли коснуться гроба, или выкапывали при первой возможности грабители могил, пытающиеся заработать, продавая тела тем, кто-станет-студентом. Ох, а если бы им сказали, что иногда сшитых используют вот так, приказывают рыться в мусоре, в поисках хоть чего-нибудь ценного, относить материалы туда, где ценности рассортируют и продадут?

Сшитых сделать было не просто, но попытки и, в конечном счёте, частичное оживление было одним из первых проектов Уолстоуна, следовательно, процесс был наиболее подробно описан в его литературе. Всё что требовалось; найти материалы, контролируемые Академией, и следовать записям.

Материалы не были дорогими, конечный продукт держался годы, дольше, если держать его сухим и поддерживать правильную температуру, чего не происходило с этой бедной штукой. (*Он обращается к сшитым как к предметам)

Несколько вещей он ценил больше, чем хорошую работу. Мастера заботящегося о своём товаре. Но эта работа не была и хорошей.

У создателя, несомненно, был доступ к действительно большому количеству тел, и он думал, что проще пойти на третий курс Академии и сделать другую работу, чем поддерживать эту.

Плоть была дешёвой. Мёртвая плоть была дешевле.

Сшитый повернул голову, смотрел в направлении Перси. Глаза почти ушли, зрачки и радужная оболочка были затуманены молочно белым.

Оно, однако, смотрело не на Перси.

Последовав взгляду сшитого, он заметил два силуэта в дожде.

Первый, самый очевидный, определённо был монстром. Четырёхногий, настолько высокий, что проходя мимо здания, его плечи были на уровне верхней рамы двери, но достаточно узкий, чтобы протиснуться в сам дверной проход, если пригнёт голову. У него были части человеческого лица, но по большей части оно было прикрыто длинной чёрной шерстью. Там и здесь, где плоти не хватало, были большие куски металла, закреплённые на плоти и костях. Свет уличных ламп отражался зелёным в его глазах.

Другим силуэтом был мужчина в широкополой шляпе и длинной куртке. Свет уличных ламп отражался зелёным и в его глазах тоже. Он нёс палку с ошейником на одной стороне, готовым закрыться в тот же момент, как дотронется до глотки, капкан без зубов. Иногда он был обрамлён шипами, об этом Перси знал, но нет.

Нет, Пёс и Ловец хотят поймать его живым. Чтобы допросить. Забрать его работу, изменить её цели. Это лишь вопрос времени. Единственная причина, по которой они его ещё не нашли, это потому, что они были отвлечены чем-то ещё. Похоже, Ловец говорил что-то, хотя воротник на его куртке был достаточно высоким, чтобы закрыть рот.

Пёс кивнул, и звук, которым он ответил, был глубоким и громким, практически внятным. Говорить эта штука не могла, учитывая искорёженные металлические обломки служащие ему нижней челюстью.

Как мог Перси хотя бы описать чувства, настигшие его тогда? Страх, страдание. Он представлял, как испытает подобное чувство, если встретится с семьёй, ребёнка которой он заменил собственным. Если бы его поймали посреди плана, прежде чем он успел бы выполнить свои цели.

Как если бы что-то тяжёлое упало с небес, разбив его на части, но оставив тело целым.

Но страх ему не помогал. Он обошёл сборщика мусора, использовал тело и запах существа, чтобы укрыться от глаз и носа.

С сожалением он сложил свой зонт, подставившись под дождь. С костяной ручкой, отлично защищающий от дождя. Слишком большой, чтобы уместиться в ящике, слишком очевидный, чтобы держать.

– Надеюсь, твой хозяин поощрит тебя уходом за тобой, – прошептал Перси. – Так что, пожалуйста, прости меня за это.

Он снял защищающую от дождя ткань с ящика и накинул её на свою голову и плечи, после чего поднял ящик. Он планировал снять сапоги, но решил этого не делать.

Визуально это его замаскирует. Но их глаза были наименьшей его проблемой.

Они видели лучше него, их обоняние было как у любой ищейки, они могли услышать далёкий шум и падающий на землю лист, и у них был ум, способный обрабатывать эту информацию.

Если они настолько близко, то знают его запах, а если они знают его запах, то капкан уже схватил его за шею.

Звук позади чуть не заставил его дрожать, но прыжок или подёргивание выдали бы его.

Пёс исчез в аллее, пройдя параллельно ему.

Перси поковылял вперёд, коробка в руках, мысли в безмолвном вое. У него не было хороших вариантов. Даже, если бы Мэри и Клайд были здесь, лучшее, на что они могли надеяться, так это задержать их. Если бы звёзды сошлись, то, возможно, они бы смогли уложить Ловца.

Но победить бы не удалось. Побег, побег без вопросов.

Пёс показал себя издав стук, тремя этажами выше земли, шёл по ближайшей крыше. С каждым шагом откалывались кусочки драйки и падали с крыши на землю.

Было всего три здания между Перси и боевой машиной. Пёс остановился на краю крыши, вытянулся, поднял голову, широкие ноздри, как у летучей мыши, широко раздулись.

Пёс легко спрыгнул с крыши на дорогу. Металлические скобы вокруг ног сомкнулись, скакнули, и встали в новые позиции, приняв часть удара. Мышцы и плоть приняли остальную.

Теперь, когда пёс был ближе, Перси видел трубки, простирающиеся от ног и уходящие в окантованные металлом разрезы на боках. В двух была кровь, в третьей было что-то, что могло быть водой.

Пёс был уродливой работой, что было странным, учитывая то, что он был одним из самых известных «секретных» проектов. Были эксперименты, которые создавали аккуратно с самого начала работы. Он таким не был. Это был проект, уже в самом начале обречённый на провал.

Когда структурная целостность нарушалась, её заменяли грубым металлом. Когда не справлялись вены и артерии, их заменяли трубками, изменяли маршруты, некоторые располагали вне тела.

Трудно сказать, были ли другие проблемы. Академия, вероятно, была рада, что обошлась только этим. Пёс не существовал бы, если бы ему требовалось постоянное осушение или особая диета.

У Академии случилось превышение. Этот случай был ярким фактом.

Пёс повернул голову, взглянул на Перси глазами, отражающими свет, способными показать улыбку, какую не могла показать его пасть.

Защищаться было бесполезно, или даже бежать, но Перси раздражало, то, что это его конец. Он развернулся и приготовился бежать, когда заметил, как Ловец уже приближался.

Он игрался с капканом, ошейником на палке. Часть инструмента с ошейником крутилась, вертелась настолько быстро, что была размыта в мраке, разбрызгивая капли воды в сторону.

Голос Ловца был грубым, человека, который курил или сильно простудился. – Дважды сменил одежду, проходил через глубокие лужи. Даже нацепил одеяло с личинками.

Личинками?

Перси потянул часть ткани, которую натянул над головой, но у него ушла ещё секунда, чтобы глаза приспособились. Он увидел извивающихся, дёргающихся личинок, тут же выбросив ткань в сторону.

Он чувствовал, как они ползают по его голове, теперь уже по шее и лицу. Как только он почувствовал это, каждая капля дождя, которую он не успевал заметить, могла быть личинкой, опарышем, мерзостью.

Ловец сменил положение рук на шесте капкана, и Перси поковылял назад, тут же обнаружив Пса прямо за собой, с открытой пастью, зубами готовыми укусить.

Но он всё ещё держал ящик. Использовать его против Пса бесполезно, но...

Ловец метнул капкан, нацелившись на горло Перси, но он поднял коробку перед оружием.

Ящик вырвало у него из рук, отбросив его вдаль сильным ударом шеста.

Слишком сильный. Одного Ловца было бы достаточно, но их было двое.

Работы Уолстоуна зацепили его ещё в детстве. Определили его жизнь. Теперь они, в некотором смысле, её закончат.

Он подумал о своих творениях. О Клайде, и о Мэри.

В то же мгновение до него дошла его собственная смертность, он понимал, что его наследие исчезло.

Он почувствовал вспышку гнева.

Перси воспользовался этим чувством, превратил его в храбрость, потянулся к своей куртке за

пистолетом.

Ловец схватил его за запястье, но затем остановился, посмотрел вниз.

– Это же... – спросил Ловец, колеблясь. Его голова повернулась.

Пёс зарычал и бросился в том же направлении.

Туман поднимался вокруг них.

Нет, это был газ. Густой как гороховый суп, облако неуклонно росло, несмотря на дождь.

Ловец использовал то, что он схватил Перси за запястье, чтобы потащить его от набухающего облака. Перси использовал другую свою руку, чтобы потянуться к пистолету, но Ловец тут же ткнул его капканом в руку.

Ошейник, слегка большой для руки Перси, захлопнулся. Отверстие было достаточно большим, чтобы он мог освободить руку, появился у него шанс, но шанс не было. Оружие крутилось, грани впивались в его руку, Перси продолжал пытаться вырваться, срывая кожу в местах соприкосновений.

В той же вспышке гнева, что заставила его потянуться за оружием, Перси обнаружил, как он сражается с Ловцом. Его противник был достаточно силён, чтобы поднять его, но Перси тащил себя вниз, делал каждый шаг своего соперника трудным, поставил свою ногу против его бедра. Он пытался приблизиться к газу, который слишком сильно встревожил этих двух.

Это было глупо, безрассудно, и это было уродливо, всё, против чего работал Перси. С каждым шагом он сражался с потоком, с каждым шагом он был тщателен. Не всем этим он гордился, но он взвешивал свои варианты и никогда не делал того, о чём мог позже пожалеть, во всём своём великом плане.

Даже о том, как разбирался с детьми.

Об этом, чувствовалось ему, он будет жалеть больше, чем о чём-либо ещё, даже, если это добавит ему минуты, секунды жизни.

В итоге, ему удалось. Его голова двинулась слишком далеко назад, и газ накрыл его лицо.

В одно мгновение он ослеп, видел через пелену. Отвратительный, едкий вкус и запах заполнил его нос и рот.

Его борьба с Ловцом продолжилась, менее эффективно теперь, когда он был ослеплён.

Когда он упал, его пнули и толкнули в размытый мрак.

Когда рука прижалась к его рту, он ударил, ударил по плоти. Он ударил вновь и почувствовал длинные волосы.

Через волосы его рука двигалась нежнее, с некоторой осторожностью в этот раз, с заботой.

Мэри?

Он открыл рот, чтобы спросить, но что бы ни наполняло его рот отвратительным вкусом, оно словно густой мукой прилепляло язык к щекам, щёки в зубам. Его губы слиплись, рвались и

кровоточили, пока он пытался их расцепить.

Рука, закрывающая его рот, двинулась, пока не остался лишь один палец, прижимающийся к его губам.

Пальцы взяли кровоточащую нижнюю губу и потянули. Повели его как дурака на поводе и тогда он понял, что это была не Мэри.

Но он всё равно подчинился.

Несколько колеблющихся шагов, непонимание направления. Шум за спиной.

Рука взяла его за запястье, и он следовал, как ему казалось, бесконечно долго, но, скорее всего, на самом деле лишь несколько минут.

Рука отпустила его запястье.

Прошла ещё минута. Он начал чувствовать как бьётся его сердце. Страх, унижение, тревога. Он был грязным, покрытым личинками, кровью, и, за исключением его безмолвного компаньона, он был один.

Он услышал женский вздох, не раздражения, но облегчения.

- Это вода, - сказала она, и голос её был приглушён. - Прямо перед тобой. Умой лицо, попробуй прочистить нос и уши, иначе хорошо видеть или слышать долго не удастся.

Он повиновался, нащупывал, пока не наткнулся на бочку с водой. Водой он воспользовался, протёр глаза, чтобы убрать длинные нити вязкой массы. Оно лопалось раньше, чем он успевал это отодрать. Он отодрал сколько мог, проверил своё зрение и оно всё равно оказалось размытым. Его вторая попытка ни к чему не привела, ничто не рассеялось.

- Использовались слизистые оболочки, - объяснила она. - Для связи самой слизи. Она накапливается и приходится ещё долго вытаскивать кусочки изо рта и носа. Дай ей час, два, и она станет твёрже. Прополоскать нужно, чтобы всё очистить.

- Как долго? - удалось ему выдавить. У него всё ещё было такое чувство, будто язык покрыт воском. Он моргнул и разглядел чёрноволосую красавицу, в плотно-прилегающей куртке.

- Достаточно долго, чтобы ты начал думать, что я солгала, и вред был причинён навсегда. Промывай регулярно и станет лучше.

Он посмотрел назад, через плечо.

- Они ушли, - уверила она его. - На них это повлияло сильнее, чем на тебя. Но они всё равно вступили в драку, чего я не ожидала. Со мной было трое сшитых и Ловец порвал их на куски. Академия проанализирует проблему и починит этих двух за день, и затем они будут разрабатывать средства, чтобы предотвратить это, но...

- Но Вы спасли меня? - спросил Перси.

Он видел её лицо достаточно хорошо, чтобы заметить улыбку.

- Вы спасли меня, пожертвовав тремя сшитыми и своим тузом в рукаве. Вы с ними.

- Да.

Впервые, с момента как анонимная записка проинформировала его о том, что Академия идёт за ним, он почувствовал небольшое облегчение.

Он вновь мокнул лицо в воду, затем сильно потряс им в воде, из стороны в сторону, разбрызгивая воду, пытаясь освободиться от прилипшей субстанции.

Когда он выпрямился, то приложил руку к волосам и собрал их пальцами.

Его зрение до сих пор было лишь половиной от того, чем было раньше.

- Пойдём, - сказала она, улыбаясь.

Пунктом назначения, как оказалось, был неприметный магазин, с ковбойской шляпой над дверью.

- Бывал когда-нибудь в подобном месте? - спросила его компаньонка, поднимаясь по лестнице перед ним. Она на мгновение улыбнулась ему через плечо.

- Я, э, никогда, верите или нет.

- Верю, - сказала она. - Ты скорее из тех, кто находит кого-то, нежели зовёт и приглашает в подобные места.

Она знала его настолько хорошо?

- В дневное время, по крайней мере, - сказала она.

А-а. - Значит, вы наблюдали за мной настолько хорошо.

- Человек, что ходил вокруг вашего дома после школьных часов, тащил тележку? Наш.

- Понятно.

Они поднялись по лестнице на два этажа и оказались у двери с другой ковбойской шляпой над ней. Вместо того чтобы открыть её, его компаньонка повернулась к нему, вытерла лицо, дотронулась до волос.

Кровь всё ещё текла, а лицо было горячим от унижения его тщетных усилий в борьбе с Ловцом, а как только столь интимные темы поднялись столь легко, он чувствовал себя взволнованным более чем немного.

Судя по её улыбке, она знала об этом. Вероятно она наблюдала за ним ещё тщательнее, чем он предполагал. Достаточно, чтобы понимать, что ему нравится всё контролировать, управлять происходящим, и она не давала ему и шанса.

Прежде, чем он мог что-то спросить, она открыла дверь.

Стены были обиты красным бархатом или шёлком или чем-то очень близким к нему, с золотыми линиями. Столбы были увиты ветвями, поднимающимися кверху, и на одной из ветвей была маленькая птичка. Свет был электрическим, проходящим через красное стекло.

В комнате, в очень беспорядочном виде, находились восемь или девять человек, они были на

креслах, диванах или стояли.

– Синтия, – поприветствовал её старик. – И мистер Перси.

– Там были Ловец и Пёс. Я использовала свой ослепляющий порошок, о нём они будут знать в следующий раз. Льюис собирается рассказать Вам, что я не позволила поджечь Пса, но это казалось слишком рискованным. Каждый раз, как мы издаём звук, за нами выходит Ловец. Я позволила сшитым издавать все звуки, какие они желали, и мы ушли. Это был лучший вариант, Ловец не замедлился.

– Не должен был, в этом его замысел, – сказал старик. Перси моргал, пытаясь прочистить зрение. Изменив тон, старик вновь заговорил, – Ты хорошо справился.

Заговорил со мной.

– Я потерпел неудачу. Мои создания погибли.

– Ммм, боюсь это так, – сказал старик. – Мы сами проверили. Три мальчика и девочка, убиты набором из Академии.

Перси почувствовал, как у него в груди что-то сломалось. Ему удалось сохранить своё лицо спокойным.

Это хорошо. Обдуманый акт контроля помогал ему сконцентрироваться. Он чувствовал себя более собой.

– Что Вы делали? – спросила женщина. Она была окружена клетками. Силуэты внутри напоминали птиц.

Перси открыл рот, чтобы сказать, но затем закрыл его.

– Не скажешь? – спросила Синтия дразнящим тоном.

– Вы привели меня сюда по какой-то причине.

– Привели, – сказал старик.

Перси осторожно выбирал слова. – Я чувствую, что меня испытывают.

– Мы все это делаем, всегда, – сказала женщина с птицами. – Слабый ли ты, сильный, полезный, подходящий для романа партнёр, друг, враг?

– Перефразирую. Я на испытании.

– Нет, – сказал старик. – Это слово неверно.

– Имеет значение, что я говорю, как говорю. И я не говорю, что всегда имеет значение. Вы понимаете, что я имею в виду.

– Да, – согласился старик. – Я понимаю. Скажи нам, что ты делал?

Перси сохранял тишину, размышлял.

Когда заговорила Синтия, её голос был мягким, но совершенно уверенным. – Что бы ты ни

сказал, это будет лучше, чем молчание.

Перси заговорил не сразу, но он принял решение сказать. – Я не гордый. Я начал с того, что хотел показать себя им. У меня была идея и я хотел узнать её получше, показать им, что они ошиблись, когда отказали.

– Твои клоны.

– Да, – сказал Перси.

– Твоя работа кажется безупречной, учитывая твой ограниченный доступ к ресурсам Академии. Они защищают свои тексты и диаграммы с опасной страстью. Половина того, чем занимаются Пёс и Ловец – поиск тех, кто скопировал книги. Каждая Академия имеет такие проекты, наряжает их как патриотов и защитников Короны.

– Были учителя, приносящие части текстов в школу. Я улавливал заметки, удерживал фразы и цифры в своей голове, пока не удавалось их переписать, иногда часами позже.

– Впечатляюще, – сказал мужчине в углу. – Зачем? Ты начал с того, что пытался показать себя Академии, затем ты начал убивать. Чтобы навредить Мотмонту, и Академии тоже?

– Чтобы стать директором. Как только мне бы довелось диктовать политику, я бы начал массовое производство.

– Массовое производство клонов?

Перси удалось вывести улыбку своими потрескавшимися, слипшимися губами. – Представьте, пожалуйста, новый способ ведения войны. Один человек или клон проникает, и нацеливается на детей, заменяет их, клоны учатся вести себя как дети, и медленно, но бесшумно вылавливают целое поколение. Одна команда или приказ, и целый город поставлен на колени.

– Мне нравится подобное воображение, – сказал старик. – Академии нравится их оружие, как можно было заметить на примере их питомца Пса.

– Академии не понравилось моё оружие. И не из-за того, чем это оружие было, но из-за того, что у них в головах было другое представление, о группе детей работающих вместе. Моя идея была слишком медленной для Хайле.

– Ты хотел заставить её работать. Жизни детей для тебя ничего не значили, ты продавал их, не заботясь о том, как мы их используем?

Так это всё же испытание?

– Жизни моих детей были значимы для меня.

– Ты хочешь отомстить за них, Перси?

– Да.

– Тогда тебе это удастся. Ты исполнишь свой план.

– Они знают, как я работаю. Они будут проверять, чтобы быть в безопасности.

– Тогда позволим им тратить своё время. Есть и другие пути.

Перси наострил взгляд, почувствовал плёнку в глазах, и вновь потёр их суставом большого пальца. – Другие пути?

В ответ Синтия вытянулась и легко хлопнула по одной из красных ламп.

Перси понял и кивнул.

– Мы будем работать вместе, – сказала она. – Создадим красивую работу.

– И ты будешь делать это с большими ресурсами, – сказала женщина с птицами.

– Оставаясь вне вида, – сказал старик, с несколько большим ударением. – Я уверен, ты понимаешь.

Перси медленно кивнул, принимая всё. Он позволил себе улыбнуться.

– Я уверен, что много убеждений для работы против Академии тебе не требуется? – спросил старик.

Перси задумался на мгновение. – Каждый раз, когда я думаю об Академии, я думаю о концепте Превышения. Вы с ним знакомы, полагаю?

– Я был профессором, – сказал старик, – можешь мне поверить.

Перси немного улыбнулся. – Они наступили на опасную землю. На грань краха. Хайле тоже это видит, но он думает, что сможет сделать умы столь блистательные, что проблема будет решена. Я думаю, что он только поспособствует этому. Нет, у меня точно не будем проблем в борьбе с ними.

Поведение остальных в комнате сказало ему, что он прошёл испытание.

– Могу я умыть лицо? – спросил он, пока другие усаживались, и шум разговора разгорался. – Вновь?

– Сюда, – сказала Синтия. – У тебя есть комната.

Она повела Перси к его квартире. Глаза Перси раскрылись настолько широко, насколько позволила их раскрыть ослепляющая плёнка.

Полный набор текстов Академии. Большие чаны, способные вместить человека.

– Вода по этому направлению, – сказала Синтия. – У тебя придаточная ванная комната.

Он её почти не слушал. Его пальцы прошли по ближайшему чану.

Он может создать жизнь, поиграть с маленькой частью божественного.

Клоны, – подумал он. – С древнегреческого Klon... означает поросль, побеги, ВЕТКУ.

Он улыбнулся этой мысли, прежде чем пойти умыть своё лицо.

<http://tl.rulate.ru/book/6109/130411>